

которых профессоров; сам император в глазах многих слывет либералом, хотя и оставляет широкое поле действия для самых ревностных деятелей крепостнической аристократии.

Даже для непредвзятого ума не может не быть удивительным, что накануне наполеоновского вторжения французский язык и литература, французские классики и философы ценились в русском лицее не менее, чем русский язык и русские писатели. Пушкин был одним из тех, кто преуспевал в обоих языках. Лицей был во всей России тем местом, где особенно интересовались национальной литературой, столь презираемой «обществом» и особенно дамами света. Но кто даже в Лицее отважился бы приравнять к великим французским классикам русского писателя, будь то даже знаменитый Державин?

Парадоксально лишь то, что молодой поэт, сумевший внушить своим соотечественникам уважение к своему языку и литературе, был в то же время одним из самых блестящих знатоков французской литературы, которую проклинали ограниченные националисты из числа его современников-галлофобов.

Интеллектуально сформировавшийся в семье, проникнутой русским вольтерьянством, но благодаря, например, своей няне, жившей в старозаветной русской среде, он чувствует себя глубоко русским человеком. Благодаря своей исключительной эмоциональности, он сумел сочетать в себе оба эти вклада, вместо того чтобы разрушать один из них в пользу другого, в результате чего и получился тот несравненный синтез, который еще на лицейской скамье стал приносить свои первые плоды.

Одна из основных проблем, которые встают перед исследователем, желающим оценить роль и значение русской литературы XVIII в. для творчества Пушкина начальной поры, состоит в точном разграничении между очень заметным французским влиянием и влиянием собственно русским.

Чтобы установить русскую традицию, которая была бы не подражанием по заказу, т. е. не мертворожденной, следовало сочетать французское свободомыслие, идеологически подготовленное французской революцией, с длинной традицией русских крестьянских бунтов — с одной стороны; с другой — следовало сохранить лучшее из приобретенного от Франции и обогатить его русскими соками, почерпнутыми в народных источниках — не французских, не немецких, а русских источниках, которыми зачастую пренебрегали сами русские «классики». И в этой связи для нас особенно интересно представление о литературе минувшего столетия, которое создал себе молодой поэт после двух или трех лет пребывания в Лицее.

Первое русское литературное имя, встречающееся в произведениях Пушкина, — это имя И. С. Баркова, причем сомнительно, чтобы Пушкин узнал это имя *ex cathedra*; оно соседствует с име-